

10 августа 1986 года + № 184 [21726]

МАСТЕРА СЦЕНЫ

ОДНА ЛЮБОВЬ— ТЕАТР

ВЫХОД на сцену — лучшее и неоднократно проверенное лекарство для народного артиста СССР Константина Игнатьевича Адашевского. Можно лишь удивляться тому, что даже на пороге девяностолетия старейшина ленинградских антеров играет спектакли, в которых у него нет замены. Так уверен в своем ветеране Академический театр драмы имени А. С. Пушкина, где актер работает с 1925 года. За плечами — около ста пятидесяти ролей, больших и маленьких.

Сейчас у Адашевского — четыре спектакля, в том числе два «долгожителя». Так, в «Беседах с Сократом» он уже десять сезонов исполняет роль тюремщика, создавая колоритный сатирический образ дурака с претензией на лавры мыслителя. А его Христофор Блохин в «Сказках старого Арбата» — влюбленный в жизнь человек, для которого делать людям добро стало естественной потребностью. И сам актер, пожалуй, чем-то похож на этого своего героя.

— Вот и хотелось бы попытаться понять, в чем же он — секрет вашего творческого долголетия!

— Только не представляйте мою историю как нечто уникальное. В девяносто лет выходила на сцену Александра Александровна Яблочкина. А вот, например, артист Солынский из Краковского драматического театра до девяноста восьми играл в спектаклях. Так что мне, как видите, до «рекорда» еще далеко. Да и не гонюсь я, разумеется, за рекордами. Просто живу в театре и никакого другого существования себе не представляю.

— Константин Игнатьевич, до какого возраста вы чувствовали себя молодым!

— До восьмидесяти. До восьмидесяти двух катался на фигурных коньках, до восьмидесяти шести — на лыжах. Я и сейчас не отношу себя к старикам, только вот ноги подкачали, стали болеть. А голова ясная и на память грех жаловаться. Как это ни парадоксально, лучше стал запоминать роли. Просто, видимо, научился их учить.

Голос звучит увлеченно, молодо. И как-то быстро забываешь, что пришел в гости к живой истории ленинградской сцены — к актеру, которого заметил и пригласил работать в театр сам Юрий Михайлович Юрьев.

— За вами утвердилось амплу характерного комика. Не юмор ли питает ваш творческий оптимизм!

— Возможно, вы и правы. Я и в молодости да и сейчас люблю роли динамичные, взрывные. Вот Ноздрев, например, — это моя стихия. С удовольствием играл Бальзаминоva. Там все — движение, особенно в третьем акте, когда он на стену прыгает от счастья, что нашел богатую невесту. Специально за кулисами ставили подпорки, чтобы, когда Бальзаминоva скачет кузнечиком, ничего на сцене не рухнуло. Или возьмите моего генерала Бурцева из спектакля «Пока бьется сердце»: он, конечно, в годах, но как проглядывает временами во всем его облике какая-то мальчишеская, дерзкая неуступчивость старости! Это мне по-человечески близко.

— Я смотрю, вам и в молодости доводилось играть стариков...

— Доводилось, конечно. Причем был забавный случай, когда от неудачи в возрастной роли меня спасла... что бы вы думали? Сдача норм ГТО! В спектакле по пьесе Горького «Враги» я репетировал вахмистра Квача, жандарма на сверхсрочной службе. Лет ему порядочно, и не было у меня для этого образа соответствующей фактуры. Репетировал старательно, но чувствовал — не то. А тут как раз наступила массовая сдача спортивных норм. Парень я был физически крепкий и однажды ухитрился за один день сдать зачеты по одиннадцати видам: и бег, и прыжки, и метание гранаты, и плавание... На другое утро еле встал, до того был измочален. Пришел на репетицию какой-то грузный, тяжелый. И вдруг меня осенило — это ведь как раз то, что надо! И интонация точная тут же нашлась. Вот как бывает в театре...

— Как вы к молодежи относитесь? Не ворчите на нее!

— Молодежь люблю и не ворчу на нее никогда. Я только на природу теперь ворчу...

Тем временем на кухне закипел чайник. Хозяйка дома угощает вареньем и своими «фирменными» сухариками из булки с изюмом. Сам сушит их в духовке, держа там ровно семь с половиной минут.

— Если не секрет, как вы питаетесь? Во многом себе отказываете!

— Питаюсь без оглядки на диету. Каши люблю, молоко, ряженку. Масло — обожаю. Жареную свинину ем. Причем знаменитое «завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу» на меня не распространяется. Ужинаю всегда очень сытно. Это уж, видимо, профессиональное.

— Вы упоминали о спорте. Зарядку по утрам, наверное, и сейчас делаете!

— А как же! Сорок пять минут каждое утро отдано упражнениям. Один тренер мне как-то сказал: имейте в виду, спорт любит счет. Посоветовал составить комплекс упражнений и записывать, сколько раз я их выполняю. Например, тысяча движений за полчаса — и никаких гвоздей. Так вот, я

и теперь считаю. Потом обильно обливаюсь холодной водой до пояса. Я не только коньки и лыжи люблю, но и академическую греблю, и велосипед, и спиннинг спортивных.

— Скоро начнется ваш шестьдесят первый сезон в Пушкинском. Не сам ли театр продлевает вашу творческую жизнь!

— Вполне может быть. Профессию свою я просто обожаю. В жизни у меня — всего один театр, с которым я делю и успехи и неудачи. Изъездил с ним всю страну — от Прибалтики до Дальнего Востока. Здесь, в Пушкинском, посчастливилось мне в самом начале пути участвовать в знаменитом спектакле Мейерхольда «Маскарад». На вопрос, кого играю, с гордостью отвечал: «Арбенина...» — и добавлял потом, — слугу». А сколько творческой радости дарило общение с режиссером Владимиром Платоновичем Кожичем, обладавшим удивительным даром открывать в актере новые грани! Ну а партнерами были Черкасов, Толубеев, Симонов, чье умение импровизировать помогало и мне расти. В Пушкинском вместе с моим другом Александром Борисовым придумали мы в войну передачу «Огонь по врагу» в стиле солдатского лубка... Да разве все вспомнишь! Столько всего было, причем кажется, — совсем недавно. И сейчас, выходя на сцену с молодыми, я чувствую себя молодым. Ведь дело тут не в возрасте.

Актеры нового поколения с какой-то особенной нежностью зовут его «дядя Костя», как звали когда-то «тетей Катей» Корчагину — Александровскую. Такая уважительная традиция издавна существует в этом театре. Вот уже шесть десятилетий Константин Игнатьевич Адашевский с достоинством несет звание пушкинца, соединяя своей завидной творческой жизнью несколько этапов нашей театральной летописи. И, думая о его пути, действительно приходишь к выводу, что молодость — это талант.

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС

Фото Ю. Белинского (ЛЕНТАСС)